

Ф. Кузнецов. Сегодня наблюдается резко обострившийся интерес историков к процессам, которые идут в литературе. Сам историк признает, что литература значительно опережала историю, оказавшись сейчас особенно чутким сейсмографом жизни и что именно художественное произведение, вышедшее в последнее время, расширяет, дополняет, обогащает наши представления о мнимом, главным образом об истории советского общества.

Есть и другая точка зрения, более осторожная: писатели иногда обгоняют историков, однако в освещении прошлого литература далеко не всегда объективна. К примеру, академик М. Ким, принимавший участие в дискуссии в недавнем «Круглом столе» журнала «Коммунист», посвященном основным этапам развития советского общества, прямо говорит о том, что литературе порой не хватает вдумчивого отношения к истории. Сейчас, по мнению ученого, «у некоторых писателей, публицистов господствует такая формула в мышлении: что было плохо, то теперь хорошо, а что было хорошо, то теперь плохо. Это очень хлесткая формула, которая подкупает тех, кто в оценках стоит на позициях эмоционального пессимизма. Мне кажется, — продолжает М. Ким, — необходимо более серьезное исследование, которое должно восстановить правду исторического процесса, процесса становления и развития реального социализма в нашей стране. И поэтому совершенно правильна установка партии, ее руководящих органов, всесторонне осветить и негативные моменты, и положительные. Не односторонне, а именно всесторонне».

Каков ваш взгляд на сегодняшнее соотношение истории и литературы?

Ю. Поляков. Действительно, у историков возрос интерес к литературе, прежде всего в общественно-политическом плане. Совсем не случайно литература оперативнее и острее, чем историческая наука, реагирует на общественные явления. Ведь писатель воспринимает жизнь непосредственно, а историк — опосредованно, через документы. И слова М. Кима горьки, но справедливы. Однако его укор касается не только отдельных писателей, но и многих историков.

Писатели и историки едины в своей задаче — добиваться правдивого освещения прошлого и настоящего. Да, и настоящего, поскольку назавтра оно становится прошлым и оказывается в компетенции историков. Правдивое освещение того, что происходит и происходило, — одно из важнейших условий перестройки.

Однако связь с временем сложна. И чрезвычайно торопиться в его осмыслении не нужно, и опаздывать нельзя. Вероятно, правы были римляне, провозглашая: «Festina lente» — «Поспешай не торопясь». Но жизнь торопит: дыхание политики охватывает всех нас — и историков, и литераторов.

Ф. Кузнецов. Это характерно для всего современного мира.

Ю. Поляков. Конечно, это процесс глобальный, но у нас в стране он ощущается особенно остро.

Мне приходилось выступать за освобождение историков от тенет конъюнктурщины. Она подрывает престиж исторической науки. Речь не о том, чтобы уйти от политики. Что ни говори, памятки, которые возводит история, всегда подвешены лампочками политики. Освещение не меняется с той же неизбежностью, с какой день сменяет утро, а вечер сменяет день. Но сам памятник должен быть из прочного материала, а мы соорудили памятник гипсовый, раскрашивая их ярко и торжественно. Когда начинался дождь, смывало краску, а потом разваливался и сам памятник.

Есть веление времени, но есть и мнение читателя. Читатель упрекает историков. Упрекает за то, что обходит наши книги, предпочитая историческую беллетристику, часто отнюдь не первоклассную. Упрекает за то, что мы скупо пишем о людях, об их путях-дорогах, мыслях, чувствах. Да, мы засушили историю, засоциологизировали: много схем, мало человеческих судеб. Веление времени и мнение читательской общественности совпадают, поэтому перестройка в исторической науке и назрела, стала необходимой.

И вас, и нас по-прежнему волнует история революции. Согласен, всю ее сложность, всю противоречивость историки отразили слабо. Путь в революцию деятелей литературы, искусства, людей науки показан ими сухо и скудно. А писатели сделали это великолепно, создав книги, где есть настоящие страсти, реальные трагедии, подлинная боль, страдание, боль, радость, гнев. Историки не могут и не должны писать романы, пьесы, стихи. Но они призваны своими средствами отразить и законы классовой борьбы, и исторические события, и гамму человеческих чувств. В их распоряжении мемуары, дневники, письма, а также художественная литература — живое свидетельство эпохи. Так что глубокое постижение прошлого требует соединения усилий историков и писателей.

Ф. Кузнецов. Именно совместное напряжение исторической и литературной мысли необходимо, чтобы, используя современные возможности проникновения в правду истории, воссоздать весь героический путь нашего народа-первопроходца в социализм, воссоздать с исчерпывающей полнотой драматичнейшие противоречия этого пути.

Вдумаясь хотя бы в цифры, которые вы приводите в своей книге «Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население» — из-за вражеского нашествия, бед и страданий население страны сократилось к 1923 году на 13 миллионов человек, а с учетом снижения рождаемости мы не достигали, по вашей оценке, вероятно, более 25 миллионов человек.

Ю. Поляков. А два десятилетия спустя нашествие фашизма стоило нам еще 20 миллионов жизней. Впрочем, и эта цифра неполна: в 1940 году население страны составляло 104,1 миллиона человек, а к началу 1946 года — 167 миллионов. При сведегодевом довоенном приросте к этому времени у нас могло быть 213 миллионов воинов. Значит, война обошлась нам в 46 миллионов человек.

Ф. Кузнецов. Целое государство! А число жертв в 30-е годы, годы нарушения ленинских норм, вообще пока никем не учтено. И при таком уроне, при колоссальных разрушениях в годы тягчайших войн мы прошли столь стремительный и мощный исторический путь, что достигли пиканта с самой могущественнейшей империалистической империей мира — Соединенными Штатами Америки. И если бы не трагедии времен культуры личности, не трагические издержки периода застоя, результаты были бы достигнуты с гораздо

меньшими человеческими, социальными и нравственными потерями.

Литература должна отчетливо видеть и достижения, и потери на пройденном нами пути. Только в этом случае мы приблизимся к истине истории, только при этом условии совершим подлинную перестройку.

Сегодня литература выносит на общественное обсуждение сложнейший узел вопросов, связанных с ленинским планом кооперирования деревни и реальной практикой коллективизации, с ущербом, который был нанесен строительству социализма в 30-е годы, а также в пору застоя, словом, с противоречиями между нашими идеалами и реальной действительностью. Здесь, разумеется, много спорного, неузурованного, не проясненного до конца основательной работой исторической мысли.

Современный литературный процесс, как и сама жизнь, в небывалом драматизме и сложности буквально вызывает к науке, объективной, правдивой и честной, к исследовательской мысли, подлинно партийной и подлинно аналитической, к широкой и гласной товарищеской дискуссии как литераторов, так и историков. Остро назрела необходимость нашего

Разочарованность, подавленность сочетались с надеждами на возрождение.

Ф. Кузнецов. Беспорно, только в комплексе, только в полном объеме противоречий, только при сохранении всех переживов, полноты, всех реалий литературной жизни, литературной борьбы можно плодотворно изучать то или иное явление, максимально приближаясь к правде истории. Чаще всего нас подводят и ограничивала абсолютизация отдельных сторон, отдельных черт исторического процесса. И если вместо наших достижений абсолютизировать один негатив, никакие принципиальные перемены не произойдет. Итогом будет все та же полуправда.

Стремлясь преодолеть многолетний застой в изучении русской советской литературы, слабости одностороннего подхода к осмыслению литературы и ее истории, Институт мировой литературы имени А. М. Горького, где я сейчас работаю, дерзнул начать разработку долговременной комплексной исследовательской программы «XX век: русская литература в контексте отечественной и мировой культуры».

Ю. Поляков. Это задача гигантская.

Ф. Кузнецов. Мы рискуем поставить ее перед собой потому, что не за горами

лишь все изытия, все искажения и прочие ухищрения «советской цензуры?»

Проверим истинность этой цитаты сегодня. «Requiem» Ахматовой вышел, «Доктор Живаго» объявлен в «Новом мире», «Деревня» опубликована в сборнике Клюева, который выпущен в 1986 году в Архангельске, «Погорельщина» появилась в седьмом номере «Нового мира» за этот год. В отношении «Столбцов» вообще неправда. «Столбцы» Заболоцкий перед смертью отредактировал сам, они неоднократно выходили в последней авторской редакции, вышли и в первой. Верю, что и Волошин вскоре будет издан полностью. Как видите, времена изменились! И публикация произведений, которые были за пределами читательского внимания, полезна уже потому, что лишает наших идеологических противников былых козырей.

Ю. Поляков. Историками по-разному восприняты эти публикации. Есть активное неприятие. А есть и умеренный восторг. Мое читательское отношение неоднозначно. Да и как может быть иначе, если вещи столь различны. Конечно, художественная значимость публикаций учитывается прежде всего. Но что бы выработать общую оценку, я как историк не имею права забывать о классовом подхо-

Так, может быть, правы те, кто возражает против публикации в нашей стране произведений Набокова? Ни в коем случае. Наш читатель имеет право знать творчество этого талантливого русского писателя, незаурядного стилиста, но — знать и всю правду о нем. Знать о его ностальгии, глубочайшей любви к русской природе, саднящей памяти о России, которую он хранил до конца своих дней, о ненависти его к фашизму, чувству одиночества в эмиграции, но знать также и о том, что, к сожалению, литературный дар Набокова сопрягся с неприятием революции и тех социальных порядков, которые после 1917 года установились в нашей стране.

Почему это надо скрывать? Ведь тот факт, что, зная все это, мы тем не менее Набокова печатаем и отдаем дань уважения его дарованию, говорит о нашей силе, а не слабости. И сила эта заключается в достаточно ясном и полном понимании той истины марксизма, что литература и искусство, если они подлинны, будучи специфической формой общественного сознания, несводимы к политике и идеологии. Балзак несводим к легитимизму, А. Толстой — к патриархальному

явно непоследовательны. Порой мы очень осторожны, осмотрительны, скупы на правду в отношении одних писателей и нетерпеливы, торопливы и размашисты в отношении других. И тогда правда опять-таки оборачивается неправдой или полуправдой. Не так ли представляется в «Брестском мире» М. Шatroва фигура М. Горького? Разногласия Горького с Лениным и революцией здесь механически вырваны из контекста сложных взаимоотношений писателя и политика и абсолютизированы. В итоге упрощается, искажается и Горький, и история.

Требование полной исторической правды должно быть обязательно всеобщим. И сочетаться с ответственностью, взвешенностью суждений и историческим тактом.

В условиях гласности и демократии к читателю приходят и такие произведения, которые можно рассматривать как книги-предостережения, как сигналы тревоги и боли, а подчас и свидетельства несогласия с теми или иными проявлениями: эмиграции, практики строительства социализма. Книги, где особенно остро ставится проблема революции и интеллигенции, революции и культуры, революции и духовных ценностей. Я имею в виду объявленный к публикации в журнале «Знамя» роман Е. Замятина «Мы», направленный против примитивного, бездуховного, «казарменного» понимания социализма, роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» — трагическая судьба тех слов интеллигенции, которые не приняли революцию, «Котлован» А. Платонова — о феномене отчуждения в условиях революции и социализма произведения М. Булгакова и т. д. Эти книги нуждаются в особом разговоре, ждут внимательного, пристального, причем не комплиментарного, а различного, а объективного, трезвого аналитического подхода.

Ю. Поляков. О проблеме интеллигенции и революции мы говорим, спорим все семьдесят лет. И все еще мнения сталкиваются, суждения меняются. Ее освещение связано с развитием исторической науки в целом.

Мы и сейчас продолжаем спорить об отношении различных слоев интеллигенции к революции. Конечно, неверно логическое представление о том, что вся интеллигенция за исключением открытых контрреволюционеров приветствовала Октябрь. Мне представляется надуманной и сталинская схема, согласно которой низшие слои интеллигенции приняли революцию, а интеллигентская элита оказалась по другую сторону баррикад. Но также нет оснований утверждать, что к революции были готовы только интеллигентско-революционеры, «принявшие непосредственное участие в октябрьских событиях». Такой взгляд был выражен недавно в «Аргументах и фактах». Можно привести множество примеров того, что гораздо более широкие круги интеллигенции приняли революцию. Весь устремленный в будущее Маяковский, мятущийся Блок, рассудительный Брюсов не были в канун Октября большевиками, но сразу оказались на стороне революции. А военная интеллигенция? Тысячи офицеров стали под знамена Красной Армии. В среде интеллигенции произошел резкий раскол. И наша задача — показать, какими путями приходила интеллигенция к революции. Как это было непростой! Как драматично! Надо показать не только отношение интеллигенции к революции, но и отношение революции к интеллигенции. Надо показать, что отталкивало многих от революции. Ведь было допущено немало перегибов по отношению к интеллигенции.

Я бы поставил еще один вопрос, связанный с революцией и интеллигенцией. Революция — это высший духовный подъем нации. Он невозможен без интеллигенции. Известно, что в послереволюционные годы у нас было самое образованное, самое интеллектуальное правительственное в мире. Это признавали зарубежные журналисты. А какой поток самого прогрессивного законодательства! От национализации промышленности и земли до реформы устаревшей орфографии. От провозглашения равноправия наций до отмены старого календаря. Эту сторону революции нельзя не видеть. Но, к сожалению, многие интеллигенты ее не видели и не понимали. В этом и была их трагедия. Видели залпленный перрон и не видели мчащийся поезд. Видели лужганье семечек, а романтику революции не ощутили.

Ф. Кузнецов. Вне всякого сомнения, сегодня наш взгляд на революцию стал более объемным, более полным, более реальным и мудрым. И нельзя не отметить, что основы этого объемного, глубокого правдивого взгляда на столь великое, шекспировское по размаху страстей и противоречий событие, каким была революция, заложила советская литература.

Проза Горького, Шолохова, Леонова, поэзия Маяковского и Блока, «Разгром» Фадеева, «Жождение по мукам» А. Толстого — вот далеко не полный перечень художественных открытий огромного масштаба и огромной силы, сумевших достаточно передать всю мощь и напряженность великого революционного времени. И пришедшие ныне к читателю публикации из литературы минувших лет необходимо осмыслить в едином контексте движения советской литературы. Возвращаемые произведения мы принимаем не взамен, а в дополнение к тому лучшему, что у нас было и есть.

Ю. Поляков. Я бы сказал, что был поток, который шел рядом с основным руслом. Сейчас этот поток вливается в главное русло, но не подменяет его.

Ф. Кузнецов. Все наши споры, все наши борения, вся наша устремленность к правде будут плодотворны, если они будут работать на перестройку. А значит — помогать формированию социально активной, гражданской, страстной, идейной, цельной личности. Дискуссии, которые идут сегодня в частности вокруг нашего литературного наследия, обязательно предполагают активное участие людей образованных, знающих, идейных, убежденных в правоте наших идеалов. К сожалению, пока что люди такого толка нечасто выступают на страницах нашей периодики. Их голос приглушен шумными хлопотами тех, о ком можно сказать ленинскими словами: «громче всех крикун».

Ю. Поляков. Среди историков дискуссии проходили пока спокойнее, чем среди писателей. Их, как будто с конца лета и наши дискуссии становятся темпераментнее.

Одно бесспорно: правда, за которую борются и писатели, и историки, должна не разрушать социализм, а укреплять его. И дискуссии призваны служить именно этой цели.

Диалог

литературоведа и историка

Феликс КУЗНЕЦОВ, доктор филологических наук, профессор

Юрий ПОЛЯКОВ, член корреспондент АН СССР

МИНУВШЕЕ: ПОЛНАЯ ПРАВДА!

совместного обсуждения проблем мировоззренческого и методологического характера, касающихся истории советской литературы, истории советского общества, вокруг которых кипит спор на страницах периодики.

Одна из важнейших особенностей современной литературной жизни, ее демократизации состоит в расширении и обогащении того культурного наследия, которое мы сегодня осознаем как народное достояние. Этот процесс начался после XX съезда партии и чрезвычайно интенсивно возродился в наши дни, после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПС и XXVII съезда партии. За последнее время к советскому читателю пришло немало литературных имен и произведений, которые долго находились под спудом. Этот публикаторский взрыв коснулся не только советских писателей, но и русской эмиграции первой волны.

Я всей душой поддерживаю возвращение читателям всего, что сохранило эстетическую и гуманистическую ценность, что обогащает культуру социализма. Я убежденно поддерживаю и те талантливые произведения подлинной литературы, которые выносятся на общественное обсуждение драматические, подчас трагические вопросы, связанные с культом личности. Но не превращаем ли мы это порой в моду, в очередную конъюнктуру? Окните взгляд на центральные литературные журналы в год 70-летия Великого Октября — впечатлений такое, что этого события в большинстве своем они просто не заметили.

Далеко не однородный в идейно-художественном отношении массив литературных произведений, которые обрушились на читателей за последние год-полтора, его свет и тени требуют пристального внимания, изучения и истолкования. Но общая беда (и вина) периодики и литературной науки в том, что публикаторский взрыв осуществляется в наших журналах в основном на уровне эмоционального, обидного сознания, чаще всего — без влестельства науки, без объективных, серьезных и точных комментариев, без творческого отбора, без осмысления вновь открываемых литературных явлений в их историческом контексте. И это вина взаимная: периодика за помощью к науке не обращается, а наука от дела публикаторства держится в стороне, хотя это ее прямая обязанность, которую пока что она выполняет крайне робко.

Ю. Поляков. Мы плохо видим краски, тем более — полутона. Но всегда готовы к осмыслению того или иного явления в его противоречивости. Вот пример. Все помнят, что в свое время об А. Ахматовой говорили однозначно: она не приняла революцию. Приводили в подтверждение строки из знаменитого стихотворения:

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти медленно крыло,
Все голодной тоскою изглодано...

Картина, кажется, ясная. А потом отношение к Ахматовой изменилось, и историки, литературоведы берут то же стихотворение, но цитируют другие строки:

...Отчего же нам стало светло?..

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известно,
Но от века желанное нам.

На основании этих строк говорят, что поэтесса гордо и радостно воспела революцию.

Нельзя оценивать поэта по вырванным из контекста строчкам. Нужно видеть его в движении, в «толковании» разных сторон жизни, в их переплетении. Стихотворение Ахматовой, взятое в целом, а не в отрывках, показывает всю сложность восприятия ею революционной бури.

рубеж нового, XXI века и нового, третьего тысячелетия. Все человечество, все народы и страны будут подводить итоги. Наша цель — проанализировать тот реальный вклад, который внесла отечественная литература истекшего столетия в художественное развитие человечества. Этот вклад особый; за ним — духовный опыт социалистической революции, важнейшего события мировой истории.

Ю. Поляков. Я не хотел бы вас разочаровывать. Коллективные труды необходимы, в одиночку такие глубины не поднимают. Однако наши многомиллионные кадры задумываются, но трудно делаются. Я участвовал примерно в тридцати подобных начинаниях и знаю, как термист их путь.

Ф. Кузнецов. Понимаю вся сложность задачи, мы рассматриваем нашу программу не только как создание истории русской литературы XX века во взаимодействии с национальными литературами и мировой культурой, но и одновременно как осуществление ряда предварительных работ — источниковедческих, публикаторских, библиографических, исследовательских, которые должны с современными партийных позиций осветить исторический путь русской литературы XX века начиная с дореволюционной эпохи.

В центре внимания, конечно же, будет советская литература в ее преемственности и коренных тенденциях развития, в процессе утверждения принципов социалистического реализма как открытой, движущейся эстетической системы. Надеемся благодаря реализации этой программы сформировать и кадры талантливых ученых, специалистов по советской литературе, которых сегодня, увы, катастрофически мало.

Практически каждый период советской литературы требует при сохранении преемственности новых подходов, концепций, идей, дополнительных источников, расширения сферы исследований. Бережный и я бы даже сказал, щепетильный конкретно-исторический анализ должен базироваться на тех принципиально новых возможностях постижения исторической правды, которые предоставляет время гласности и демократизации с его установкой на приобщение общечеловеческих ценностей, что отнюдь не означает отказ от классовых ориентиров, а означает лишь отказ от их примитивного, упрощенческого, вулгаризаторского толкования. Это позволит по-новому взглянуть на историю литературы, включая и «белые пятна», и все живое, гуманное, художественно ценное в литературе подореволюционной эмиграции.

Ю. Поляков. Надо помнить, что среди возвращающихся ныне писателей были совершенно разные люди. И эмигранты были разными. Были беженцы, а были и беглецы. Были и внутренние эмигранты. А были люди, пострадавшие в силу ряда горьких причин.

Ф. Кузнецов. И, конечно, науке, исторической и историко-литературной, необходимо осмыслить их жизнь и творчество, не скрывая от читателя драматизма ситуаций их противоречий.

Оценивая последние публикации из творческого наследия, скажу сначала, что здесь, с моей точки зрения, безусловно полезно. В 1981 году в Лондоне Филиппа книга белоглазого Бориса Филиппова «Статьи о литературе». В ней он писал: «И если мне возрастает, что времена изменились и на нашей родине, изданы за последние полтора десятилетия Клюева и Волошин, Ахматова и Мандельштам, Пастернак, Заболоцкий, я соглашусь — да, изданы. Но как изданы? Ахматова — без «Рекем», Пастернак — без «Деревни» и «Погорельщины», Волошин — без «Святого Руси», «Стихов о терроре», Заболоцкий — с искаженными текстами его лучшей книги «Столбцы», да разве перечис-

де и принципе историзма. Как-то эти понятия все реже встречаются в наших выступлениях. А почему, собственно, мы должны закрывать глаза на то, чьи интересы выражал тот или другой писатель?

Помните Маяковского: «...и тот, кто сегодня поет не с нами, тот — против нас»? Конечно, это сказано со свойственной Маяковскому категоричностью. Но почему историк должен промолчать, что Бунин или Набоков не только не пели с нами, но действительно были против нас? Если мы промолчим, разве это не будет искажением исторической правды? Произведения, ранее не издававшиеся, — часть нашей культуры, мы должны их знать. Неправильно предавать их забвению, как коварды носили в свое время их авторы. Наше восприятие неизбежно будет искаженным, если мы лишим художественное произведение исторической прописки, не дадим себе труда учесть общественные обстоятельства, в которых оно появилось, и его психологические предпосылки.

Ф. Кузнецов. Если поверять этими принципами, а они у нас общие, публикации последнего времени, то думаю, что многое не выдержит проверки. Радует, что наша культура продолжает обогащаться, усиливая свою художественную мощь. Но, приветствуя этот процесс в принципе, нельзя не сказать и о тревогах, связанных как с отходом от конкретного историзма, так и с элементарной небрежностью, поспешностью, случайностью отбора, невыверенностью целого ряда публикаций. Особенно это касается стихотворений, писем документов, дневников. Текстологам и комментаторам предстоит здесь еще очень большая работа. Нужно резко повысить саму культуру публикаторства, уровень комментариев, просто требовательности.

Наметилась тенденция своеобразной лакировки, приукрашивания художественной репутации, когда, к примеру, поэты среднего литературного ряда, которым в пору «серебряного века» русской поэзии отводилось скромное место, сегодня выдвигаются чуть ли не за поэтических мэтров... Больше того, идет лакировка не только литературной, но и жизненной правды. Скажем, некоторые публикации, посвященные В. Набокову, напоминают сусальные рождественские открытки, где знаменитый писатель выглядит этаким херувимчиком с крыльшками.

Хорошее, интересное дело затеял Е. Евтушенко — представить на страницах «Огонька» антологию русской поэзии. Но с некоторыми его комментариями бывает трудно согласиться. Скажем, он предлагает даже не считать Набокова эмигрантом, поскольку, дескать, тот за границей оказался в ранней юности (на самом деле — в двадцатилетнем возрасте). Но зачем же так обижать Набокова? Он был человеком куда более определенных убеждений, чем представляется Е. Евтушенко. Так, рассказывая о случайной встрече в 1921 году с А. Толстым и А. Белым, Набоков пишет: «Они были накануне возвращения в Россию, и было гадать, каковым я в известном смысле остался до сих пор, не пожелал разговаривать с большевиками (попутчиками)». А вот его позиция, выраженная в 50-е годы в автобиографической повести «Другие берега»: «17-й год является годом, который, по-видимому, кончился. Россия, как в свое время Афины и Рим». Или строки из стихотворения, написанного по-английски в 1944 году: «Война и ее потери не заставят меня примириться с размазанной Советской Русью».

«толстовству». Достоевский — к монархическим высказываниям. Художественный талант, как бы ни ограничивали его узкие политические пристрастия, таит в себе свои особые возможности постижения жизненной правды, утверждения гуманистических ценностей.

В традициях Маркса, Ленина, доблестно-боской «реальной критики» мы учимся сегодня отдавать должное художественному таланту. И самой практикой литературной жизни отвечаем на горькие строки погибшего на чужбине русского поэта-эмигранта Г. Иванова: «Меня вы не славили, По-своему вы правы! — Какой-то там поэт... Ведь до поэзии, до вечной русской славы вам дела нет...» В действительности революции сегодня есть дело до поэзии, если она подлинна. И мы стремимся сохранить для будущих поколений каждую крупницу настоящей поэзии и «вечной русской славы», незирая на весь драматизм отношений с Отчизной того же Г. Иванова, В. Ходасевича или В. Набокова. Но делать это надо, не уступая ни крупинцы исторической правды.

Ю. Поляков. То, что мы смогли поднять до этого, очень много значит.

Ф. Кузнецов. Но в то же время мы далеки от всепроникновения тех, что разменивал свой дар на лобу и ненависть, растратил его на политическую борьбу с родной страной. Пример тому — Зинаида Гиппиус, которая, как и Д. Мережковский, последовательно занимала в эмиграции лютые, непримиримые позиции по отношению к нам. И уж если знакомить широкого читателя с ее творчеством в той же антологии русской поэзии, наверное, опять-таки надо было сказать всю правду. А правда такова, что именно Гиппиус, эта эстетка и теософка, под псевдонимом Антон Кири писала исполненные злости к революции, вульгарные, бесталанные стихи, обращенные к бело-му воинству: «Равнь», «Комиссар», «Красная звезда», «Товарищи», «К родине», «Божий суд» и т. д. Приведу стихотворение «1917»: «Давно ли ты, громада косная, в освобождающей войне, о Русь, как туча громоздкая, восстала в вихре и огне. И вот опять, опять законна и безглагольна, и пуста. Какой ты чарой разочарована, каким проклятием проклята? Но во грехе тобой зачатые, хитим с тобою умирать. Мы дети, матерью проклятые и проклинаящие мать».

Ю. Поляков. Это стихи отчаяния...

Ф. Кузнецов. ...и ненависти. А вот отнюдь не Зинаида Гиппиус к комиссарам: «Китайцы, монголы, башкир да латыши, и всякий-то голый, и лжеблато шши. И немцы, и турки, и черный мадыар, командует юркий бронет комиссар. Тачишь от угара и с богом, вперед. Тачи комиссара, а то удерет». Такова Гиппиус, которая, как известно, кончила прямой поддержкой гитлеровского нашествия на Россию. Мы не имеем права скрывать от наших читателей и это.

Ю. Поляков. Ни в коем случае. Надо, чтобы читатель знал Гиппиус такой, какой она была. И с ее хорошими, талантливыми стихами, и с ее ненавистью к покинутой родине.

Хочу возвратиться к принципу историзма, имея в виду не только публикации, но и концепции. Порой критикуют или возносят старые концепции, забывая, уламывая о времени, в которое они создавались. Концепция вне времени и места превращается в пустую абстракцию. Ее можно поддаться ногой, как футбольный мяч. Но она не мяч, она имеет свои корни. Мы отмечаем какой-то недостаток или перегиб, но не объясняем, откуда он взялся. Находясь на стадии констатации правды, мы еще не отвечаем на вопрос: а почему так было?

Ф. Кузнецов. В нашей приверженности к исторической правде мы бываем необъ-